

ЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
“РОДНАЯ ЗЕМЛЯ”

ВЫПУСК СОРОК ЧЕТВЁРТЫЙ:

Т. Окулова-Микешина

ЩИТ ВЕРЫ И БЛУДЯЩИЙ РАЗУМ

Устоим ли – как в Отечественных войнах?

Декабрь 2010

ЩИТ ВЕРЫ И БЛУДЯЩИЙ РАЗУМ

Устоим ли – как в Отечественных войнах?

Одна из главных опор наших – знание отечественной истории, которое, как выражались в старину, "питает душу и, сближая прошедшее с настоящим, умножает бытие наше". Разверните свиток минувших лет – так обращался к родным людям русским герой Отечественной войны 1812 года Ф.Глинка, – и вы увидите много "поучительного для будущей судьбы нашей", говорящего "о действиях благого и попечительного Промысла", увидите – "начертание той же тайны, которая совершается и в нас и нас ведёт к спасению". Наши предшественники помогают нам учиться у истории и одновременно защищать её от враждебных фальсификаций "знатоков", которые "судят о России с таким же правом, как глухонемой об оперном представлении" (Н. Греч – о сочинении А. де Кюстина "Россия в 1839 году").

Сегодня не только за рубежом, но и у нас в стране расплодилось множество таких "глухонемых", исполняющих злобные "арии" о России, как о некоей "чёрной дыре", глумливо твердящих о "традиционной агрессивности русских" и т.д. и т.п. Всё это – проявления психологической войны против нас экспансионистских кругов Запада. Трудно не заметить в них перепевов былой гитлеровской пропаганды, объявлявшей русский и другие народы нашей страны низшей расой, которая должна была освободить занимаемое ими "жизненное пространство" для "высшей арийской расы", – большая часть наших людей подлежала ликвидации, а другая – превращению в рабов "Третьего рейха". Не в этом ли смысле надо толковать навязываемые нам сегодня слова "лишняя страна" применительно к России. Если "русские традиционно агрессивны", то велик ли грех применить к ним под первым попавшимся предлогом силу, как это было сделано западными "цивилизаторами" в отношении Югославии в 99-м, когда в памяти порой вставляли апокалиптические картины нашествия "двунадесяти языков", нарисованные тем же Ф.Глинкой:

"И в небесах, в лучах багряных,
Всплыла погибель; мнилось, кровь
С них капала..."

...По некоторым подсчетам, в России находится 60-70% разведанных мировых запасов сырья. А население мира через 45 лет увеличится вдвое, по мнению, к примеру, проф. Гронингенского университета Х. Тромпа, что приведёт к "беспрецедентным конфликтам из-за мировых ресурсов" и "чревато возвратом к откровенной силовой

варварской борьбе" (журн. "Мир и безопасность". Вена, июнь 1997). Поэтому не надо удивляться тому, что на Западе проявляют всё возрастающий интерес к нашим сырьевым богатствам. Так, в организационных указаниях министра обороны США "О подготовке вооруженных сил на 1994-1999 гг." ставилась прямая задача – добиться, чтобы никакая враждебная США держава не смогла осуществить контроль над природными ресурсами в бывшем СССР. Далее, в военной доктрине США зона жизненно важных интересов Америки включает практически весь мир, в том числе, с недавних пор, уже и Кавказ. При этом основным инструментом защиты таких интересов считаются вооруженные силы США, о чем заявил ещё в 1994 году президент Клинтон: "США весьма заинтересованы в беспрепятственном доступе к сырью за рубежом. Когда на карту могут быть поставлены жизненные интересы нации, применение нами силы будет решительным и, если это необходимо, односторонним". Подобные заявления делались в ту пору, когда на Восток, к границам нашим, стал расширяться блок НАТО, в котором США играют "первую скрипку".

В XXI веке нынешнему молодому поколению придётся отстаивать свое национальное достояние и самостоятельное существование. А для этого нужна сила материальная и духовная. Наш ракетно-ядерный щит (доставшийся нам от старшего поколения – победителей). И – щит веры, знание родной истории... Мы не писали бы эти строки, если бы наши отцы и деды не отстояли Отечество в 1941-1945 годах и тем более, если бы наши предки не сделали этого раньше, в 1812 году... И не случайно кодовые названия крупнейших военных операций Великой Отечественной, разработанных Советским Верховным Главнокомандованием, – "Кутузов", "Багратион"... Страна была как бы соединена во времени; в один кулак, в одно целое соединились духовные усилия многих поколений людей, живших на русской земле; и герои 1812 года, отдалённые больше, чем столетием, были, как никогда, близки сердцам потомков. Свыше 7 тысяч генералов и офицеров, верных сынов Отечества, стали кавалерами ордена, носящего имя М.И.Кутузова...

Сегодня бесценным духовным патриотическим наследием, живым пособием в "науке побеждать" завоевателей может служить журнал "Сын Отечества". Это был "лучший русский журнал" (В. Жуковский) эпохи 1812 года. В нём воплотилась та самая наша национальная идея, которая вопреки попыткам нигилистов всех мастей и поколений вытравить её или выработать некое чуждое ей подобие пережила века, революции, "перестройки" и осталась неизменной в своей нравственной чистоте и высоте. Такой её, наверно, почувствовал юный лицеист Пушкин, который держал в руках книжки журнала, "душой восторженной" летя вслед "сынам Бородина", и именно на страницах "Сына Отечества" напечатал одно из самых первых своих

стихотворений, посвящённых великой эпопее (а потом – и немало других творений).

Авторами этого старейшего русского журнала были выдающиеся служители церкви и знаменитые в храме русской словесности люди – Державин, Крылов, Жуковский, Ф. Глинка, Вяземский, Карамзин, Гнедич, замечательный деятель народного просвещения Уваров, историк Михайловский-Данилевский, – цвет русской культуры, русской нации.

К сожалению, "Сын Отечества" до сих пор не стал предметом отдельного, обстоятельного исследования, и заключённые в нём духовные, исторические сокровища не востребованы и в нынешнем противоборстве с разрушительными силами – как внешними, так и внутренними. А ведь этот глубоко патриотический, рождённый Отечественной войной Двенадцатого года журнал, может по праву считаться родоначальником всех будущих патриотических русских журналов, в том числе, конечно же, – и "Нашего современника".

"Нельзя поработить народ, который решился избежать порабощения"

В преддверии нападения на Россию Наполеон сказал своим приближенным: "Через пять лет я буду господином мира, остаётся одна Россия, но я раздавлю её..." В захватнических планах Наполеона Россия занимала особое место. Правящие круги буржуазной Франции стремились к овладению богатейшими сырьевыми базами и рынками сбыта России, к отторжению от неё огромных территорий, низведению её до положения зависимого государства. И вот, вчитываясь в пожелтевшие, но не потерявшие силы духа русского страницы "Сына Отечества", поражаешься духовному зрению наших предков, которые тогда, конечно, не знали, не ведали всех расчётов завоевателя, его "стратегистики" (Державин), но сумели разглядеть главную, глубинную суть происходящих событий. "Большая часть общества, – писал в своих воспоминаниях редактор журнала Н.И. Греч, – видела этот исполинский бой в точном его значении: видела, что речь идет о существовании России".

Первый номер "Сына Отечества" вышел в Санкт-Петербурге в конце сентября 1812 года. Время было самое тяжелое, мучительное. Москва – в руках французов... Иные европейские государи в таких обстоятельствах опускали руки и отдавались на "милость" Наполеона. Александр I проявил великую выдержку и волю к сопротивлению захватчикам. После того, как им было одобрено решение об издании журнала (и пожертвована на первоначальные расходы сумма в тысячу рублей), при всей перегруженности заботами об организации отпора врагу и достижении перелома в войне, император нашел время напомнить министру народного просвещения о желательном выпуске

журнала в кратчайший срок, о чем министр тотчас же сообщил Н.И. Гречу. Именно он, учитель гимназии, член Санкт-Петербургского цензурного комитета, был удостоен высокой чести стать редактором и издателем журнала. У истоков журнала стоял также попечитель Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уваров.

По всем самым трудным путям-дорогам воюющей России прошагал вместе с русскими воинами испытанный в боях солдат слова – "Сын Отечества". Он доказал, что печатное слово (как говорил профессор Дерптского университета А. Кайсаров, возглавлявший походную типографию при штабе М. Кутузова) может послужить Отечеству "иногда больше, нежели несколько батарей". Вместе с русскими полками входил он в марте 1814 года в Париж – завоеванный Париж, в котором, в отличие от Москвы с её поруганными иноплеменниками святынями, – не было убито ни одного жителя, не было разрушено ни одного здания. Как писал участник Бородинского и всех главных сражений 1812-1814 годов, адъютант выдающегося военачальника М. Милорадовича, поэт Ф. Глинка,

"И минул год – год незабвенный!
Наш Александр Благословенный
Перед Парижем уж стоял
И за Москву ему прощал!"

Недаром в освобождённой Европе называли Россию "последней надеждой человечества" ("лишней страной" её тогда никто не называл...).

Название журнала было выхвачено буквально из самой жизни. Греч рассказывал в "Записках о моей жизни", что в то время получил письмо от брата Александра, участника Бородинского сражения, служившего в армии поручиком-артиллеристом. В письме были такие слова: "Пришли, сделай милость, хорошую зрительную трубу, чтобы я мог лучше различать неприятеля и наводить орудия. Умру – но умру как истинный сын отечества".

О значении, которое имел новый журнал, пожалуй, лучше всего сказал С. Глинка, тоже редактор, один из первых ратников московского ополчения (родной брат Ф. Глинки): "Не выражу того пером, – вспоминал он в "Записках о 1812 годе", – что ощутили выходцы московские в Нижнем Новгороде (уехавшие туда во время взятия Москвы. – Т.О.) и что ощутил я, кочующий издатель "Русского вестника", увидя в первый раз на берегах Волги, на родине Минина, первую книжку "Сына Отечества". Название, достойное благородного сердца издателя и проявлявшее тогда чувства россиян, обрекших себя в жертву сыновнюю за Отечество, сбережённое в первый двенадцатый год самоотречением предков наших и вновь сохранённое самоотречением потомков их. С. Глинка пишет здесь о временном "перелете" в два

столетия от 1612-го до 1812 года", воскрешая "тени Минина и Пожарского" и подчёркивая, как и большинство его современников, преемственность подвигов русских героев. К слову, сделаем и мы с вами "перелёт" – только на два столетия вперед и по другому поводу. В наше тяжкое время была учреждена премия Союза писателей России, получившая испытанное жизнью название – "Сын Отечества". Первым её лауреатом стал патриот-губернатор Н.Кондратенко.

Открывалась первая книжка журнала "Солдатской песней" И. Кованько, написанной (как только пришло известие о взятии Москвы) в духе народной песни.

"Хоть Москва в руках французов:
Это, право, не беда! –
Наш фельдмаршал князь Кутузов
Их на смерть пустил туда..."

Пророческим был заключительный куплет о том, что русские не останутся в долгу и побывают, придет срок, с оружием в руках в Париже.

"Вышла первая книжка, – свидетельствует Николай Иванович Греч, – и была принята публикою с одобрением, какого я не ожидал. Накануне выхода второй книжки, Сергей Семенович Уваров прислал за мною и сообщил мне известие об освобождении Москвы. В третьей была напечатана его статья под заглавием "Письмо из Тамбова", в котором предрекалось сооружение колонны во славу государя, с надписью: "Александр I, по взятии Москвы не отчаявшемуся, благодарная Россия" (сбывшееся пророчество журнала – знаменитый Александрийский столп, действительно воздвигнутый в Санкт-Петербурге после войны.)

Но не все, особенно поначалу, рукоплескали журналу. Находились и скептики. Некоторым современникам казался неуместным заразительный оптимизм журнала, безграничная уверенность авторов и редактора в грядущей победе над наполеоновской "великой армадой". "Паркетные умники, – отмечал Греч (ох уж эти вечные "паркетные умники", а сколько объявится их во времена "свободы, демократии и гласности"! – Т.О.), – утверждали, что нехорошо хвастать так бесстыдно и хвалиться несбыточными мечтаниями. Они не видели, что не должно хвастать в счастье, а ободрять дух народа в беде, можно всеми способами, только не обманом".

Современному читателю покажется необычным высокий, торжественный, порой гневный, порой простецки веселый пафос журнала, но надо сделать усилие и мысленно перенестись в ту эпоху, попробовать вжиться в чувства, привычки и склонности наших предков, и тогда можно будет понять, почему их так брало за душу набатное слово "Сына Отечества". Вот первые строки первого номера журнала (из воззвания немецкого патриота Э. Арндта "Глас истины"), обращенные к Наполеону: "Кровожадный, ненасытный опустошитель, разоривший

Европу от одного конца её до другого, не перестает ослеплять всех своим кощунством и лжами, стараясь сделать малодушных и подлых сообщников своих ещё малодушнее и подлее, если то возможно".

Приведя это страстное осуждение захватнической, угнетательской политики Наполеона, составители "Указателя статей серьёзного содержания, помещённых в журналах прежних лет", называли журнал "отражением и вместе с тем руководителем народных мыслей и вестником исторических событий", ибо тот "являлся в первые несколько лет верным отголоском этого незабвенного времени, отметившего Россию как героиню национальной свободы, отстаившую себя и восстановившую свободу Европы. С изумительною быстротою и точностью помещались в нём все официальные сведения, получаемые с театра военных действий, чрез военные канцелярии, бывшие в Петербурге, или чрез непосредственных корреспондентов редактора (впервые в истории русской журналистики или же, наконец, чрез иностранные газеты. В каждом номере можно было найти красноречивые воззвания и мысли на тему национальной свободы, возбуждавшие национальный героизм в сердцах защитников отечества, или ненависть к врагам его, или участие к пострадавшим в великом деле; с тою же целью помещались... выписки из иностранных газет о ходе французских дел, о восстании Европы"...

Приходится поражаться регулярности и частоте выхода его – издание это, объемом в 3 печатных листа, выходило еженедельно и сверх этих регулярных номеров "выпускались особые к ним прибавления".

В объявлении "От издателей" подчеркивалось: "Поставляя себе приятнейшим долгом сообщать публике известия о благородных, геройских подвигах россиян в течение нынешней войны, просим всех любителей Отечественной славы и добродетели доставлять нам верные сведения о случаях, в которых соотчичи наши успели доказать, что они русские! С удовольствием будем мы также помещать всякие патриотические размышления, исторические отрывки, стихотворения... если они сообразны с целью нашего журнала" (1812, № 4).

В "патриотических размышлениях" журнала заложен был символический смысл, и они врезывались в память каждого русского человека, звали к действию. И первое в них слово было – Бог. Другое – Царь. И третье – Отечество, Россия. Им противопоставлялись слова-антиподы: безверие (лжеверие), Наполеон и Франция с её империей.

В этой словесной символике отражался конфликт и трагизм описываемой эпохи. Православию, православному царю и народу России был брошен вызов порождениями французского просвещения и революции – безбожием, вседозволенностью и непомерными амбициями перекроить и переделать мир якобы на "разумных", "естественных", "научных началах" под тяжелой дланью французского

господства. Эту богоборческую миссию взял на себя Наполеон и его окружение.

"Сын Отечества" последовательно разоблачал замыслы претендентов на мировое господство – тех, кто,

"убив народов миллионы,
Изгнав к Отечеству любовь,
Растлил всех дух, оподлил кровь"
(Державин).

Так, в обобщающей передовой 2-го номера журнала за 1813 год под названием "Воззрение на войну французов в союзе с десятью европейскими державами противу России 1812 года, со стороны ума, породившего в Наполеоне исполинскую мысль с искоренением России быть обладателем Вселенной" говорится: "...Корень её (то есть этой мысли. – Т.О.) весьма глубоко гнезвился во всеобщем разуме человеческом, разуме, оставленном самому себе и возникшем в прошедшем столетии из гордого самолюбия философской мечты, решившейся на дерзкое просвещение человечества, чрез уничтожение всего духовного, всего Божественного и самой веры Христианской, подвизавшейся в течение осмнадцати веков на истребление в народах варварства, на обуздание жестокости нравов, на поселение в сердцах верующих взаимного между народами согласия и на установление всеобщего повсеместного благочиния".

Цена Великой французской революции и наполеоновского господства, в которых нашел свое яркое проявление так называемый "просвещенный", а на самом деле – "ослепленный разум" ("потеря узла священной веры Христианской, утверждающей единодушие в людях"), была действительно великой. Современные французские историки, например, считают, что в своём социально-экономическом развитии Франция в результате этих катаклизмов была отброшена более чем на три десятилетия назад, и дореволюционный уровень 1789 года был вновь достигнут ею только в 1830 году. А как оценить миллионы жертв, явившихся результатом революции и захватнических войн наполеоновской Франции?

Но Наполеон в зените своей славы не думал о последствиях, к которым приведёт его "просвещенное" правление. Его богоборчество достигло предела, когда он возжелал, как пишет автор упомянутой передовой, "истребив веру, истребить с земли и Бога и самому воссесть на престоле его". Он захотел стать властителем человечества, навязать ему "всеобщую монархию" со своей персоной во главе.

По планам "новоявленного богочеловека" не суждено было осуществиться. На его пути встала Россия, царь Александр, Православная вера. Как писал журнал, "россияне надеются на Бога, а

Наполеон – на "всевидающий разум" свой – "кичливый, блудящий разум" (1813, № 2).

"Вера к Богу и любовь к Отечеству, исходя из кротких уст монарших, – говорится далее в упомянутой передовой, – вызывают все состояния на всеобщее ополчение за ту же веру и любовь к Отечеству, основанную издревле в России на неколебимых правилах Христианства; сладкий глас сей внимают все сословия от первого до последнего с радостным восторгом, внимают и, вооружась, текут, аки исполины, в путь на поражение" (противника – Т. О.).

В публицистических материалах "Сына Отечества" нередко слышатся образы, мотивы проповедей священнослужителей – "не угас в России дух Гермогенов и Авраамиев" (Греч). Как и всегда в истории России, и особенно в ее переломные моменты, велика была в войне 1812 года роль высшего пастыря Православной церкви. Им был в то время знаменитый митрополит Московский Платон (Левшин), чье вдохновенное патриотическое слово хорошо знали читатели журнала. По желанию владыки из Троице-Сергиевой лавры государю был препровожден образ преподобного Сергия Радонежского древней работы: этот образ был передан императором в Московское ополчение и осеял русские полки в сражениях... Даже когда французы заняли Москву, и в лавре, как и в окрестных губерниях, было видно уже огромное, ужасное зарево московского пожара, пастырь не захотел покинуть святой обители. Лавра так и не была взята захватчиками, и кажется, есть провиденциальный смысл в том, что Платон скончался в этой обители в тот самый день, когда французы покинули, наконец, Москву...

В "Сыне Отечества" публиковались также Слова и речи архимандрита Филарета (Дроздова), в будущем – митрополита Московского, других иерархов, в которых проповедовалась "любовь к Богу, Царю и Отечеству ее народа".

"Со времён Пожарского и Минина не видала Россия таковой войны, как ныне: дело Бога, Царя всего народа", – гласило объявление "От издателей" в № 5 за 1812 год. Скорее всего, именно материалы "Сына Отечества", в которых звучал девиз "За веру, Царя и Отечество", за "дело Бога, Царя, всего народа, послужили впоследствии основанием для выдвижения другом Греча, в будущем министром народного просвещения Уваровым знаменитой в Российской империи триады: "Православие, самодержавие, народность" – по сути, гражданской модификации военного девиза...

Как в дореволюционной либеральной и революционно-демократической, так и особенно в советской и постсоветской историографии немало написано о "сомнительной" роли царя, православной церкви в Отечественной войне. Досталось от критиков и авторам "Сына Отечества". Прошлись и по знаменитому "Посланию к русским", написанному профессором политических и нравственных

наук Царскосельского лицея, любимым учителем Пушкина ("...он воспитал наш пламень...") А. Куницыным (1812, № 5). Так, один литературовед, например, заявляет, что солидарен с оценкой автором войны 1812 года как "войны справедливой и оборонительной". Одобряет критик и призыв Куницына к согражданам быть мужественными, смело отстаивать независимость и свободу родины, даже если ради этого придется погибнуть. Особенно критику понравилось восклицание профессора: "Умрем свободными в свободном отечестве!". Но далее критик высказывает весьма спорное суждение: "И хотел того Куницын или нет, но эти слова воспринимались передовыми читателями как призыв к борьбе за свободу не только национальную, но и политическую, против своего "внутреннего" тирана – Александра I". Однако бороться против царя значило тогда выступать на стороне Наполеона. Третьего было не дано. К вящему своему удивлению, Наполеон не обнаружил в России таких "передовых читателей", хотя и рассчитывал их найти. Весь народ, все сословия его, как один, выступили против завоевателей, грабивших, убивавших и оскорблявших население. Даже те представители высших классов, которые говорили почти только на французском языке, свидетельствовал один очевидец, "вдруг" превратились в русских патриотов.

Представление об Александре I не вяжется с образом лютого тирана. Есть свидетельства того, что "в народной среде циркулировали... сведения о нём как о защитнике "униженных и оскорбленных" (А.Н. Сахаров).

В 1815 году в журнале были опубликованы главы из "Писем русского офицера" Ф. Глинки, "великодушного гражданина", как называл его Пушкин, и ещё – "почтеннейшего человека здешнего мира". В последнем современном издании "Писем..." (М., 1990) автор предисловия к ним Г. Галин упрекает Глинку "в наивной идеализации... Александра I как символа русской доблести и олицетворения народного духа", а также порицает "несколько приторное благоговение автора перед членами царской семьи". Мы в свою очередь могли бы упрекнуть Галина в наивном следовании традициям советской литературной критики царских особ.

Между тем Александр I действительно являлся символом русской доблести и олицетворением народного духа. Именно таким он предстал в публицистике "Сына Отечества", поэтических произведениях. Сам Державин возложил венок вечной славы на голову "отца отечества", "царя...царей" в одах "На победу Александра I под Люценом", "На победу под Лейпцигом", "На покорение Парижа"...

"...Если в 1812 году, – писал в своих "Записках..." Греч, – Александр Павлович явил благородную твердость духа в опытах и бедствиях в 1813-м он снискал славу искусного и прозорливого дипломата. Ему удалось решить задачу, над которой трудились напрасно многие великие люди: он успел соединить, для достижения общей цели,

все разрозненные государства Германии; он сумел вдохнуть единочувствие и единомыслие в разнородные войска, составлявшие армию, которая действовала против Наполеона. Должно было соединять в одном лице и кротость, и твёрдость, и уступчивость, и настойчивость, и ласку, и угрозу – всё вовремя, все кстати. И в этом он успел совершенно и удивительно". Издатель "Сына Отечества" убежден, что "окончательным и решительным исходом войны обязана была союзная армия уму и твердости Александра: без его непрерывных усилий и убеждений союзники не дерзнули бы пойти на Париж..." (Мог ли тогда кто-нибудь в России предположить, что наступят времена, когда правители наши будут пожинать "лавры", например, "лучшего немца года", действующего против интересов своей страны...)

Под верховным водительством царя "наполеонцы" были наголову разбиты в России, а вновь созданные их предводителем-тираном военные формирования в Европе – добиты в сердце Франции. Но мы далеки от того, чтобы воздавать должное только одному царю.

Возьмём ту аристократию, тот высший свет, представителям которого впоследствии так много досталось от сатирического пера Пушкина, Грибоедова. И тем не менее в преддверии и в годину войны у царя сложилась группа соратников – выдающихся государственных деятелей, говоря современным языком, профессионалов-управленцев высшего класса. Они стали достойными противниками знаменитых маршалов и высших чиновников Наполеона, с которыми ему до этого удалось покорить почти всю Европу.

Среди таких соратников Александра I можно назвать канцлера графа Н. Румянцева, графа В. Кочубея, обер-гофмаршала графа Н. Толстого, государственного секретаря А. Шишкова, генералов М. Баркляя-де-Толли, А. Аракчеева, генерал-адъютанта А. Балашова, П. Волконского... Во многом благодаря их усилиям (и прежде всего – таких помощников, как Аракчеев и Барклай-де-Толли) Александру I удалось хорошо подготовить армию к войне. С 1808 года, в предвидении будущего противоборства с Наполеоном, он (по свидетельству исследователя А.Н. Сахарова) начал перестраивать и реформировать ее, имея к 1811 году великолепно организованную, обмундированную, вооруженную и сильную современной для той поры артиллерией армию. Более того, надо всегда помнить, что за плечами царя стояло все российское государство, которое он возглавлял.

Главное в войне – избрать правильную стратегию. И это было сделано – избрана стратегия отступательная, учитывающая временное превосходство врага и необъятные пространства России. Судьбоносное решение для русской армии и страны имело решение государя о назначении главнокомандующим всеми российскими вооруженными силами фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова, соратника великого Суворова и любимца русского народа. Судьбоносным был составленный государственным секретарем А. Шишковым и одобренный императором

6 июля манифест о всеобщем ополчении. Это был акт "возбуждения народной войны", которая и погубила Наполеона.

Не в пример современному реформированию российской армии, которую и в многократно сокращенном виде трудно обеспечить всем необходимым, при Александре I и его штабе армия, многожды усиленная, в военную годину была в достаточной степени экипирована и вооружена и ее личный состав не испытывал больших затруднений в получении продовольствия, как это случалось не раз в недавнее время. Правящие круги при государе проявляли постоянную заботу о повышении морального духа армии. Вряд ли бы тогда армия выиграла войну, если бы российская элита позволила в печати поносить войско.

Александр I противостоял и пытался поставить его на колени Наполеон Бонапарт – Бонапарте, как называли его али чаще всего в "Сыне Отечества". Говоря о последнем, журнал утверждал, что его безверие носило воинствующий характер. Император католической страны, каковой являлась Франция, бросил, к примеру, в заточение католического перво-священника папу Пия VII, который осмелился отлучить венценосного богохульника от церкви (1813, № 2). Нечего говорить о том, как мог относиться Наполеон к православию, если он свою католическую церковь подвергал всяческим утеснениям.

Кто был для Наполеона божеством? Да он сам, как отмечалось выше, его собственные таланты и вождедения, война (он исповедовал девиз, по выражению журнала, – "пароль": "Несть Бога, кроме Бога войны").

Этот "великий тиран", как характеризовал Наполеона наш царь, и подвластная ему великая империя вступили в смертельную схватку с хорошо знавшим его намерения Александром I и предводительствуемой им Российской империей. Наполеон рассчитывал на внезапность и быстротечность задуманной им войны, не учитывая решимости России сражаться до конца, о чём красноречиво говорил незадолго до вторжения Александр I посланцу Наполеона Нарбонну: "...Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России". События показали, насколько близорукими были расчёты на молниеносную победу в войне против нашей страны Наполеона (как, впрочем, и его последователя – Гитлера).

Куницын в "Послании к русским" возглашал: "Мы сражаемся в родной стороне, наши войска прикрывают мирные хижины, в коих жены, дети и старцы преклоняют колена перед Создателем и просят победы и избавления. Французы проливают кровь свою за дело их тирана, мы сражаемся за наше собственное!".

Наполеон не был бы Наполеоном, если бы не изыскал коварного пропагандистского прикрытия своим завоевательным планам. С его благословения во Франции накануне войны 1812 года была сфабрикована фальшивка – так называемое "завещание" Петра Великого. По этому пасквилю наша родина наделялась безудержным

русским "экспансионизмом", а действия Наполеона объявлялись "оборонительными".

"Сын Отечества" обращался не раз к героическому прошлому, например – к временам правления Петра Великого, чтобы напомнить потенциальным захватчикам о неотвратимости возмездия за посягательство на свободу и независимость России. "Память Петра Великого, оживляя русских, – как подчёркивалось в журнале, – каждому врагу России угрожала новой Полтавою".

"Народ великодушный, народ благочестивый и храбрый, льзя ли не гордиться принадлежать тебе, льзя ли не гордиться быть русским?" – взволнованно говорит автор воззвания "Глас русского" (1812, № 2). Звучит церковно-славянская лексика, к которой с давних времен "ухо русского человека привыкло", когда речь шла о важнейших вопросах духовного бытия народа. "Да будет с вами дух Петра и Екатерины, да осенит вас тень Пожарского", – восклицает патриот. (Невольно вспоминаются здесь исторические слова напутствия, сказанные Сталиным в ноябре 1941 году перед воинами, уходившими прямо с парада, с Красной площади на защиту Москвы от врага...)

Главный просчёт Наполеона состоял в том, что война, вопреки его предположениям, стала всенародной, отечественной. Все сословия объединились и выступили в защиту отечества. О вкладе каждого сословия в дело освобождения рассказывал журнал. Приводилось множество фактов героизма, жертвенности, благородства и милосердия всех русских людей.

"Утешайтесь славою, – взывал "Сын Отечества" в своём 1-м номере за 1812 год к соотечественникам, – что вы составляете народ сильный, храбрый, единоклубный" и далее: "Уважайте всё своё, всё отечественное и поступайте вражески с теми, кто на вас ополчается".

Мы слышим, как учащенно и сильно бьётся пульс журнала: "Нельзя поработить народа, который решился избежать порабощения". "Русские сжигают всё при отступлении, чтобы не оставлять кров Наполеону".

Что есть варварство?

Как будто пропасть разверзлась перед Наполеоном, когда он со своим войском вступил в Москву: город был практически пуст... Это было тихое, но грозное сопротивление москвичей захватчику, они не захотели жить под его игом. И об этой тихой русской доблести почти в каждом номере за 1812-1813 годы писал "Сын Отечества". (Недаром так внимательно читал этот журнал за те годы Л.Н. Толстой, когда работал в 1850-1860-е годы над "Войной и миром"; в Яснополянской библиотеке хранятся книжки журнала с пометами писателя.)

Москва, как и многие другие захваченные французами города, поселения (где "в бытность врага не было слышно ни колокола, ни

петуха"), была разграблена и сожжена, ее святыни подверглись поруганию.

Журнал "Сын Отечества" беспощадно разоблачал святотатство, грабительство, душегубство, лживость и лицемерие французских захватчиков. Какую русскую душу могли не тронуть и не возмутить, например, подробности, сообщаемые в "Беседе русского с соотчичами своими на развалинах Москвы" (1812, № 6), в которой автор (подп. "Р-н") восклицал: "Нет злодеяния и свирепства, которых враги наши бы не совершили... Внемлю в храмах Божиих... ржание коней и ругательства бешеных грабителей, пресекаемые стуком обрушающихся стен..."

Западные "просветители" "не столько воевали, как грабили, истребляли, злодействовали – подобно шайке разбойников", по свидетельствам очевидцев. "И можно ли назвать иначе сие скопище, – возмущался один из корреспондентов, – в котором при шести тысячах человек не было ни одного служителя церкви!.. Между Смоленском и Москвой не осталось в целости ни одной церкви. Французы везде посрамляли жен и дев, укрывавшихся в храмах Божиих, убивали младенцев и в поругательство обвешивали их членами иконостасы и престолы, вколачивали гвозди в очи святых ликов..." (1813, № 1).

В 1813 году (№ 9) были опубликованы "Известия о нынешнем положении Москвы..." Мы читаем о готовившемся Наполеоном взрыве Кремля, видим страшные картины, как враги "арлекинствуют", "наряжаются в священнические ризы, в женские юбки с епитрахилью на шею". Автор горестно восклицает: "Теперь всякий скажет: что матушки Москвы печальнее, унылее, огорченнее? что может сравниться с её разорением? Произведение мира и обилия, ненарушаемое 200 лет.., погибло в один месяц! Всё пало от меча новых Готов, новых Татар! Но и татары (в 1240 году) в мрачные времена, коих привыкли мы называть непросвещенными, народы алчущие и почти дикие, не поступали таким образом в Киеве и во Владимире". Французов, которые дозволили себе "все то, до чего может довести необузданность подлой черни", автор сравнивает с "неистовством самих американцев, антропофагов" (истреблявших индейцев).

И при всех этих бесчинствах французы позволяли себе называть русских и русский народ варварами. Ведь Наполеон всенародно поклялся "загнать московитов, варваров, которым противно европейское просвещение, в Азиатские степи" (1813, № 1). "Сын Отечества" развенчивал этот миф о "российском варварстве", показывая на бесчисленных примерах деяний захватчиков, что такое настоящее варварство.

Пolemически обращаясь к Наполеону, автор "Беседы русского..." восклицал: "На берегах Днепра и Москвы ты не нашел изменников Отечеству и рейнских союзников; поведай им, что северные варвары не довольно просвещены для принятия твоих благодеяний, что мы в простоте, глупости и варварстве своем не понимаем родительских твоих

попечений и изящных, высоких стараний о благе человечества". Под молниями битв предшественники наши, как никогда, осознали, что истинное просвещение – в вере, "чувствовании народного своего достоинства", верности своему Отечеству; варварством и рабством называли предательство его интересов (в какую бы философическую тогу ни рядили его "мнимые герои просвещения, ложные защитники свободы и человечества").

Остроумно высмеивал сочинения французских "знатоков" и "немецкие отголоски оных", в которых "русских укоряют в варварстве", немецкий барон Шлилленбах в работе "О просвещении россиян" (написанной в конце 12-го и опубликованной в № 41 за 1813 год), цель которой была "показать заблуждения" иностранцев "в суждениях о России и посмеяться насчет вздорных немецких философов нового разбора". У русских своя религия – делает вывод публицист. "Это есть очевидное доказательство их варварства, – иронизирует он, – потому что при таких понятиях не только нельзя подкупить коменданта крепости, но не можно за самую дорогую плату получить шпиона". А это, продолжает он, никак не согласуется со стремлением "просветителей" "соорудить общую религию или небесную всеобщую монархию", следовательно, "такая вера не прилична... гражданину вселенной".

Тут разоблачались тогдашние "граждане мира", лукавые космополиты, всегда обвинявшие русских опять-таки в "варварстве". Борьба с космополитами, "не сынами своего Отечества", вообще была одной из постоянных тем журнала. В противовес "гражданам вселенной", твердившим о том, что русские, дескать, лишь путем подражания "могут приблизиться к нациям просвещенным", Шлилленбах предлагает обратиться к истории. "Когда Карл XII, герой своего века, побеждал народы, уже тогда Россия успешно начала подражать его искусству и притом в таком большем виде, с таким преувеличением, что погубила своего учителя". Далее Шлилленбах с тою же улыбкой добавляет: "Ныне надлежало бы думать, что она подвинулась вперед в просвещении и не станет так неучтиво колотить своих учителей... Вдруг явился Наполеон, начал вести войну новым, необыкновенным образом... Русские вознамерились подражать и сему искусству... И опять – слишком хорошо поняли" его и "вновь проучили мастера так, что он пропал со всею своею школою".

Точно так же, добавим, уже в XX веке "пропал со всею своею школою" новый завоеватель. Увы, мало оказалось в 1941-1945 годах таких мудрых Шлилленбахов, и гитлеровские "просветители", между прочим, стали подражать "наполеонцам", устроив, например, в музее Бородина скотобойню – чтобы уничтожить память о 1812 годе.

На волне ненависти к захватчикам поднялась "дубина народной войны", которая стала гвоздить непрошенных гостей. Наполеон намеревался воевать с одной русской армией, имея колоссальное численное превосходство над нею, но ввязался в войну против всего

народа. Как подчеркивал Куницын, против Бонапарта выступил "народ в единомыслном порыве всех сословий его – дворянства, купечества, крестьянства".

Журнал делал великое дело, духовно спланивая соотечественников в смертельной схватке с врагом. И тут особую роль сыграли произведения самого народного нашего, по мысли Пушкина, поэта, "пишущего русским слогом". Если в мирное время Крылов, как говорили современники, вывел басню на площадь, то в 1812-м, можно сказать, он вывел её на поле боя. Живые его басни заучивались солдатами и офицерами в перерывах между боями, на привалах, в часы тяжелейших маршей. Первым из русских писателей Крылов показал события глазами простого человека. В баснях его отразился общий тип народного сознания, которое испокон веков было в служении Отечеству, в стремлении к дружному отпору врагу.

Поистине "живой историей" (С. Глинка) стала басня "Волк на псарне" (1812, № 2). В ней слились воедино "уменье чисто по-русски смотреть на вещи" (Белинский) двух русских гениев – баснописца Крылова и полководца Кутузова, которого поэт прославлял как народного вождя. Сама Россия действовала именем Кутузова и в басне "Обоз" (1812, № 7). Есть основания считать, что и публикации самого журнала могли служить источником вдохновения для автора того же "Волка на псарне", "Вороны и курицы".

Всего в 30 строк басни "Ворона и курица" поэту удалось вместить громадный смысл, раскрыть существеннейшие черты народного характера, проявившиеся в роковой для древней столицы России час,

"когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил..."

Мы видим гражданственность, соборность русскую в массовом исходе из столицы русских людей.

"Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой".

Здесь – утверждение духовного единства народа – в противовес разрушительным силам, осуждение любого проявления отступничества единиц, которые личные свои интересы ставят выше своего патриотического долга. Ворона, нагло похвалявшаяся, что ей "с гостями не мудрено ужиться", в результате сама попадает в суп. Надо сказать, что единение народа было столь велико, что случаи отщепенчества были

крайне редки. В басне осуждалась сама возможность предательства. Хороший урок для новоявленных ворон, которые за чечевичную похлебку готовы предать Отечество!

Наполеон столкнулся с уникальной российской цивилизацией, в которой именно в период тягчайших испытаний неизменно берет верх единение всех классов и сословий и отходят на задний план противоречия между ними, такие, например, как тогдашние противоречия между помещиками и крепостными крестьянами (которые составляли большую часть населения России). А как раз на использование этих противоречий и рассчитывал завоеватель.

Как свидетельствовал Ф. Глинка, "французы думали, что люди сии (крестьяне. – Т. О.), будто бы удрученные ярмом рабства, при первой возможности готовы будут восстать против всех законных властей и что пламя бунта столь же легко разольется по России, как пламя сожигаемых ими селений и городов. Но сии-то люди, казавшиеся им ничтожными в скромной простоте своей, явили себя истинными героями этого времени. Вера, верность и любовь к родине составили многочисленные ополчения... Нет ничего полезнее для государства и ничего ужаснее для врагов его, как восстание целого народа. Французы пренебрегли дух народный, в бездействии дремавший. Но пробуждение его было пробуждением уснувшего льва".

Между тем Наполеону было хорошо известно, какое широкое распространение получили французский язык, нравы французские в светской среде, и он рассчитывал использовать это обстоятельство к своей выгоде, найти то, что ныне называется "пятой колонной". Но, как уже отмечалось, русское дворянство, его лучшие представители, воспламененные великой любовью к Отечеству, выступили против захватчиков, возглавив освободительную борьбу народа.

Говорят, граф А.И. Остерман-Толстой, один из самых богатых российских помещиков (пожертвовавший свое состояние ради спасения Родины), проявивший себя выдающимся полководцем в 1812 году, в разговоре с иностранным генералом маркизом Паулуччи, принятым наряду с другими иноземцами на российскую военную службу и не испытывавшим большой боли за судьбу России, бросил ему гневные слова, которые стали известны всей армии: "Для вас Россия – мундир, вы его наденете и снимете, для меня она – моя кожа". Действительно, Россия для русских людей была кожей, без которой они не мыслили своего существования.

"Сыном Отечества" (в содружестве с другими журналами, газетами) писалась страстная, вдохновенная и вместе с тем правдивая летопись Отечественной войны. Осмыслялись уроки "великой Брани Бородинской" – предвестницы Победы; освещались сражения под Тарутином и Малоярославцем (12 (24) октября – поворотный в истории войны "день, увенчавший русское оружие новою славою", который "смешал все планы" Наполеона и положил начало изгнанию его армии

из России), бои под Вязьмой и Красным... Журнал постоянно печатал письма из армии; рассказывал о поражении французов при Березине, оставлении Наполеоном остатков своей армии в России и тайном бегстве завоевателя ("улизываючи по-французски" – тогдашнее выражение) в Париж. Кстати, по поводу этого его "вшествия" в свою столицу – инкогнито – приводились "колкие насмешки" английского журнала "The Courier", сообщавшего, что Наполеон "на самом деле переоделся евреем". Мгновенно реагируя на наполеоновскую пропаганду, разоблачая лживые заявления "бюллетеней" "великой армии" Наполеона, его "афишек", журнал подчеркивал, что "нельзя поверить, что мороз расстроил" их армии – сами французы "признаются, что холод наступил не прежде ноября месяца: их расстроили Русские полководцы, воинство и народ" (1813, № 1-3).

История под пером нигилистов

Впоследствии по ниве истории Отечественной войны 1812 года прошли своим пером западники, нигилисты, марксисты-ультраинтернационалисты. Всех их сближало отрицание самобытности России как особой, неповторимой, великой цивилизации. Они фактически отрицали существование самого отечества, в которое объединен был русский народ, и сопутствующий ему русский патриотизм – как непреодолимую силу России.

Старым и новым нигилистам застилал глаза и атеизм, основывавшийся на грубом материализме. Для них несовместимыми были такие понятия, как "царь" и "народ", как "вера" и "народ". Потому они поборников исторической правды, которые признавали неограниченную роль царя и православной веры в русской истории, в защите отечества, кощунственно обвиняли в якобы "раболепной привычке путать понятия "отечество" и "ваше превосходительство". Этим самым новоявленные нигилисты демонстрировали действительно "раболепную привычку" следовать ультрамарксистским догмам, свое презрение к историческим фактам.

Так, еще в 1972 году в пресловутой статье "Против антиисторизма" А. Яковлев огульно охаял русских писателей, историков, которые старались избавиться от вульгарно-классового, антинационального подхода к истории и литературе, сказать правду о героическом прошлом России, в частности – 1812 году.

Если следовать логике А. Яковлева и западников-либералов (с их вечным приматом материального над духовным), победу в 1812 году должен был одержать... Наполеон. Франция, завоевавшая почти всю континентальную Европу, была более "цивилизованной и прогрессивной", чем феодальная, "варварская" Россия. Во Франции утвердился капитализм – формация, как учат марксисты и западники-

либералы, более прогрессивная, чем феодализм, господствовавший в России, а будущее – за более "прогрессивным" строем...

Но феодальная Россия победила буржуазную Францию вопреки ущербной логике западников. Последним не понять, что Россия "вступала в расприю под знаменами духа веры, и претерпенные ею раны имели действие крестов, оживляющих веру". Россия "отвратила от себя щитом веры удар ложного просвещения", "блудящего разума" и, как утверждали предки, доказала "непобедимость свою, проистекающую из народного характера".

Эта непобедимость была доказана и в 1941-1945 годах, когда Россия, вопреки усилиям нигилистов, возвращалась к своим "незыблемым столпам". Русские люди, прошедшие через небывалые исторические испытания, доблестно отстояли свою православную суть, несмотря на все преследования "воинствующих безбожников". И Православная церковь внесла неоценимую лепту в Победу советского народа в Великой Отечественной, внемля воле Бога и откликаясь на призывы советского правительства. Не случайно в ту пору был всплеск интереса к эпохе 1812 года, издавались массовым тиражом "Письма русского офицера" Ф. Глинки, партизанский дневник Д. Давыдова...

Заговорили в те годы впервые, к примеру, и о теме Двенадцатого года у Гоголя (ст. С. Дурылина в журнале "Октябрь", 1942, № 3-4). Гоголю исполнилось пять лет в тот день, когда русские войска вошли в Париж, выполнив по сути свое назначение "святого воинства". И каждый год, отмечая свой день рождения, Гоголь вспоминал и нашу великую Победу, духовное торжество русских... Мотив великой эпохи с ее всенародным воодушевлением (даже слепцы в минуты испытаний, по мысли писателя, становились духовно зрячими, "носители" житейской пошлости – патриотами) – звучит в его творчестве как бы путеводным колокольчиком. В Великую Отечественную, во время нового духовного торжества русских, его прекрасно слышали...

Именно тогда, в первые послевоенные годы, в условиях нового патриотического подъема была дана, пожалуй, и самая объективная характеристика журналу "Сын Отечества".

Однако впоследствии, с хрущевских времен, снова стало проявляться необъективное, скептическое отношение к "Сыну Отечества", его роли в истории общественной мысли России. Журнал, дескать, отдал дань "квасному патриотизму", "официальной народности", "не понял" идей Французской революции, говоря, например, что последняя "показала, что легче снять узду с народа, нежели управлять им" (1812, № 8). А сами-то эти обличители, постарались понять, объективно оценить все ужасы той же революции, ее лозунги? Ведь вот "призыв идеолога кровавой французской революции Вольтера "Раздавите гадину!", как справедливо писал недавно Ст. Куняев, "относился к католической церкви Франции и... этим призывом воспользовались палачи-якобинцы. Воплощая в жизнь

безумный лозунг Вольтера, они жгли и грабили по всей Франции монастыри и церкви, вспарывали животы провинциальным священникам... справляли атеистические шабаша по всей несчастной стране, предвосхищая деяния нашего антицерковного чекиста Губельмана-Ярославского, который тоже призывал "раздавить гадину" – русскую православную церковь" ("НС", № 1, 2000). Примечательно, что лозунг этот – "Раздавите гадину!" – вспомнили и прокричали наши "демократы", "ревнители прав человека", подписанты т. н. письма 42-х писателей в кровавые октябрьские дни 1993-го. А в наши "букеровские" и "антибукеровские" времена либералы продолжают "изничтожать гадину" самыми разными изощрённейшими способами, например, выдавливанием из своих "просветительских" изданий типа справочника "Кто есть кто в России" имен ненавистных им русских писателей, редакторов патриотических газет и журналов (см. об этом ст. В. Бушина в № 2 "НС" за 2000 г.), задача у которых по сути такая же, как когда-то у издателей прославленного "Сына Отечества", – бороться с разрушителями Родины, теми, кто лишает ее достойного места в мире, за наш истинно "русский путь".

Вот почему представляется столь важным изучение бесценного наследия русских журналов эпохи Двенадцатого года, которое проливает свет истинной правды на великую эпопею и помогает освободить современное российское литературоведение и историографию от нигилистической, либеральной фальсификации. Тем более важно это – в наши дни, когда новоявленные нигилисты-"просветители" пытаются отбить историческую память у народа (так, эпоха Александра Благословенного, победителя Наполеона, полузабыта, последний же стал кумиром "перестройщиков", "глобалистов-общечеловеков", сонма теле-радинских с их специфическими, "антитоталитарными" загадками истории").

В эпохе 1812 года – во многом разгадка исторического назначения России. Огонь Бородинского сражения поистине "поднебесной лампадой" светит потомкам, освещая, по словам участника событий, путь веры, который "тесен, но велик". Сегодня, когда "цивилизаторы", разные соросы (чья цель, по их же признанию, – "изменение сознания будущего поколения" России) вкореняют ложные "либеральные" и прочие "общечеловеческие ценности", как никогда, важно предохранять молодых от "суеверного уничижения пред идолом иноземного просвещения и образованности", к чему призывал еще архимандрит Филарет в Слове при гробе М.И.Кутузова. Это значило – не жить заёмным умом, не пересаживать чужеродные "философические плантации" на русскую почву, ибо за ними нередко – "ухищрённые замыслы иностранцев к порабощению нашему". И, кстати, понимание этого, по мнению журнала, приводит всех ненавистников России "в бешенство: слава дел наших для них нестерпима" (1812, № 8). И главной нашей задачей было и остается "возбуждение и сохранение в учащих

народного духа", о чем убедительно писал в 1813 году С. Уваров в своей книге "О преподавании Истории относительно к народному воспитанию" (см. ст. Н. Греча о ней в № 24 за 1813 г.). Нужно искоренять, как выражались в старину, "заразу иноземства" и "заразу незнания своей земли", противопоставить – как примеры для подражания – великих людей России. Как говорил Карамзин – "не китайские тени собственного воображения" – а "героические характеры" исторически конкретных русских людей – в их патриотических деяниях.

"К чему лекарь щупает мне спину? ведь я шел грудью"

"Сын Отечества" в рубрике "Смесь" помещал "достопамятные анекдоты". Слово "анекдот" имело тогда другой, более широкий, чем сейчас, смысл: то был рассказ не столько о забавном, сколько поучительном случае из жизни исторических лиц, в котором выражались главные "черты силы русского характера для составления потомству картины русских заслуг и добродетелей". "Опыты частного геройства, частного патриотизма" в "Смеси" – это живые зарисовки военных буден, увиденные глазами человека из народа, рассказанные живым разговорным языком (впервые зазвучавшим широко на страницах печати). Реалистические подробности, объективность народных картин подвигов (чаще всего рассказывалось о простых солдатах, ополченцах-крестьянах), сжатость изложения, простодушный русский юмор, использование народных пословиц и поговорок (при отсутствии неуместных иноземных словечек, витиеватых, неопределенных выражений) – всё это свойственно было этой уникальной рубрике, авторами которой (часто безымянными) были первые наши военкоры.

Перед нами предстает целая галерея героев, воевавших под начальством М.И. Кутузова и П.И. Багратиона, П.Х.Витгенштейна и М.А. Милорадовича, П.П. Коновницына и Д.С. Дохтурова, Н.Н. Раевского и М.И. Платова...

Вот одно из этих "изустных преданий":

"После дела при Дашкове вынесен был с места сражения гренадер, раненный в грудь пулей, оставшейся в нём. Когда лекарь, худо говоривший по-русски, стал его осматривать, то разглядев рану в груди и желая знать, где пуля остановилась, стал щупать спину, воин, ослаблённый, истекший кровью и едва дышавший, сказал бывшим тут офицерам: "Ваше благородие! скажите лекарю, к чему он щупает мне спину? ведь я шёл грудью" (1812, № 8).

Ну, что тут скажешь? Поистине – искусство не выдумает таких слов! "Правды лицо само по себе прекрасно без всяких притворных красок", как говорил митрополит Платон, у которого встречается выражение "прямые сыны Отечества".

В этих подлинных словах тяжело раненного солдата: "я шёл грудью" – отражаются прямота русского характера, самоотверженность, непримиримая ненависть к врагам Божиим – врагам Отечества.

Эта прямота характера была и у Александра Матросова, закрывшего вражескую амбразуру грудью, у тысяч других героев Великой Отечественной. И в наши дни – разве не так? – "шёл грудью", на которой был крестик, 19-летний солдат Евгений Родионов, казнённый чеченскими бандитами за то, что – отказался снять с груди крестик...

У таких воинов были предшественники. Об одном из них (чьё имя уже упоминалось) приведём сообщение из № 2 "Сына Отечества" за 1814 год под названием "Твердость духа и благочестие русского героя" (автором его был штаб-лекарь, коллежский асессор Кучковский):

"В достопамятнейшем для Российской гвардии сражении, бывшем под городом Теплицем в деревне Кульме 17 и 18 чисел августа 1813, знаменитый своею храбростию и благородством духа Генерал-лейтенант граф Остерман-Толстой, командовавший в то время всем авангардом, имел несчастье получить тяжелую рану в левую руку. Поразившее его ядро раздробило плечевую кость от локтя выше середины оной кости, так, что отнятие руки было неизбежно... При первом взгляде на рану... врачи начали говорить между собой по латыни, на что оный генерал, знающий сей древний язык равно хорошо, как и греческий, отвечал им: "Государь мой! я солдат, говорите со мною по-русски". По сему, ни мало не медля, я открыл ему, что отнятие руки есть последнее, надежное средство к сохранению его жизни и что времени терять не надобно. "Когда так, – отвечал генерал, – то делай же ты сию операцию: твоя физиономия мне очень нравится".

Во время операции, которая была трудна... сей великодушный генерал не только не жаловался на боль, но с величайшим присутствием духа и несказанною терпеливостью увещевал сими словами окружавших его опечаленных офицеров: "Чего бояться? быть ранену за Отечество очень приятно: у меня останется правая рука, которая мне нужна для делания святого креста – знака веры в Бога, – на которого всю мою надежду полагаю, а левая лишняя". Под конец операции привезено было батальонное знамя, отбитое у неприятеля. Тогда русский генерал... в великой радости воскликнул: "По крайней мере я умру непобеждённым!"... Наш раненый Герой, несмотря на чрезвычайную слабость после операции... в сильнейшем уповании на Бога, стал выходить на второй неделе в церковь, а в течение месяца вылечен был совершенно".

В анекдоте "Андрянов при Бородине" рассказывалось:

"Екатеринославского кирасирского полку Унтер-офицер Андрянов в день кровопролитного и славного для России Бородинского боя находился при лице неустрашимого, мужественного князя Багратиона, и хотя был везде, где смерть перелетала из ряда в ряд, но по долгу своему возил за князем зрительную трубу, географические

карты и проч. – и даже виду не подавал, что хочет сражаться; но когда храбрый Андриянов увидел бесстрашного Багратиона, крепко раненного, когда увидел, что князя готовы были везти назад с поля битвы, смело подошёл к почтенному своему полководцу и, вытянувшись, сказал: "Ваше Сиятельство! наш полк два раза был в атаке – Вас везут лечить, позвольте мне поравняться с товарищами: я надеюсь изрубить несколько французов". Неустрашимый военачальник позволил, и Андриянов в виду тысячей, как стрела пустился, врезался в ряды врагов, перебил многих и пал мёртв на поле чести".

Приведём ещё один русский "анекдот":

"Кому не известен Кинигирь, тот Грек, который бросился с берега, чтобы остановить Персидскую галеру, схватя оную рукою; руку отрубили, он схватил другою, отрубили и сию, он схватил зубами и тут лишился и головы. Читая о Кинигире – конечно, удивляешься подвигу его; но Полтавского полку унтер-офицер NN более трогает мою душу. У него в жарком сражении при Салтановке оторвало ядром руку; он вышел из сражения, держа другую оторванную. Проходя мимо князя Багратиона и став во фронт, сказал: "Здравия желаю, ваше Сиятельство!" Когда же стали у него вынимать руку из плеча, он охнул – лекарь упрекнул ему за сие; унтер-офицер отвечал: "не думаете ли вы, что я охаю о руке или от нетерпимой боли? – отрежьте другую, я не поморщусь, но я охаю о России, о моей родимой стороне, что не могу более надолго служить моему государю" (1813, № 6).

Удивительные эти публикации "Сына Отечества" не могли не вызвать самого большого интереса современников – как рядовых, так и генералов, как едва грамотных, так и просвещённых и даже "первосвященника в храме русской словесности" (Греч) Г.Р. Державина.

"Вы сами видели не раз, как вёл отец детей ко брани, как сами шли бесстрашно к казни...", – писал поэт в "Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из Отечества во славу всемогущего Бога, великого Государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского" (1813). В архивных материалах, опубликованных после смерти Державина, к собственному его стихотворению есть пометы со ссылкой на журнал "Сын Отечества", материалы которого поражали творческое воображение поэта. В примечании к своим словам "...как сами шли бесстрашно к казни" он писал: "Когда по оклеветании некоторых крестьян в убийстве французов приговорены они были к казни, то они, простясь между собою, выходили без всякой робости под ружейные выстрелы, ознаменовав себя только крестным знаменем". Далее шла ссылка на № 6 журнала за 1812 год.

Что касается строки "...как вёл отец детей ко брани", то Державин сообщает, что имел в виду генерала Раевского, который "выводил вперед на сражение своих детей (старшего, 16 лет, младшего – которому не исполнилось и 11 лет). О нём не раз писал журнал, приводя и знаменитые слова героя перед атакой: "Мы, Россы... умирать умеем..."

Главное же – что Россы умели достойно жить. В этих зарисовках, как в капле воды, отражался характер "добльственного" народа, ведущего не захватническую, а справедливую, оборонительную войну, о чём размышлял сам Державин. Как в своё время Ломоносов, он проводил резкую грань между войнами хищническими, ради порабощения других народов, – и войнами законными, оборонительными. Предвидение русской победы проистекает от глубинного понимания поэтом существеннейших черт нашего народа, никогда не стремившегося к захватам и завоеваниям, но встающего грудью на защиту того, что завещано нам Богом и предками хранить как святыню. Не случайно преобладающий мотив державинской поэтической летописи эпохи – это торжество вечного и неизменного над преходящим и тленным. Нетление, бессмертие – в деяниях верных сынов Отечества. Об этом писал поэт в посвящённых исполину-полководцу Кутузову – с его геройскими ратями – одах "На парение орла" (1812, № 6), "Тление и нетление" (1813, № 26). Эта мысль была основополагающей и для самого журнала.

В своем "Гимне..." Державин восславил героев войны и в их числе – знаменитого атамана и генерала Платова: "...Гром как с облаков. Слетал на вражий стан, на тыл – Платов". К этому автор сделал такое примечание: "Никто столько не беспокоил Наполеона, как сей генерал своими казаками, так что французы названия их боялись". При этом Державин ссылаясь на прочитанный им в "Сыне Отечества" "анекдот" о старухе, которая словом "коза" напугала до обморока французов-мародеров, подумавших, что она произносит "казак" (1813, № 9). Нежданные гости, лихо грабившие по принципу: "Тихо, но дочиста", до того оробели, что убежали без памяти. "Сбылась русская пословица, – писал журнал, – "пуганая ворона и куста боится".

Эта пословица стала особенно популярной в ту пору. Сама жизнь входила в подобные материалы, ставшие источником "русизмов", крылатых выражений, сходявших со страниц журнала в разговорную речь.

Нет, не случайно подобные простенькие, на первый взгляд, забавные заметки так нравились самому Гавриле Романовичу Державину, который ещё до войны своим "забавным русским слогом" сделал грозное предупреждение недругам России всех времен и народов, предсказав бесславный конец любого нашествия иноплеменников:

"Был враг Чипчак – и где Чипчаки?
Был недруг лях – и где те ляхи?
Был сей, был тот: их нет, а Русь?..
Всяк знай мотай себе на ус".

В "Смеси" рассказывалось и о том, как в освобождённой Европе, например в Кенигсберге, жительницы носили украшения в честь

Александра I, князя Смоленского, графа Витгенштейна, графа Платова (1813, № 9). Приводились восторженные слова жителей Германии. Вот – отрывок из пространной хвалебной "Речи еврея Маркевича" (пер. с нем. –1813, № 5), настоящей благодарственной оды во славу России: "Бог Саваоф положил сей несчастной участи народа предел, приведши евреев под владычество Российского Царства, вручив судьбу нашу такому народу, который ни в порабощении земли нашей, ни в разорении славного града, ни в осквернении Святыни и вообще во всем нашем горестном жребии не имел никакого участия, такому народу, который питает человеколюбивые чувствования ко всем ближним без различия вероисповедания. Здесь только нашли мы покой..." и т.д.

Приведём ещё пару рассказов о "неустрасимых донцах", объясняющих, почему слово "козак!" заставляло вражеские колонны "прибавлять ходу, и целые сотни сдавались немногим козакам" (1813, № 2); почему в Англии даже сочинили в их честь песню с припевом: "Ура, козак!" (1813, № 21).

"При вступлении войск наших в Митаву, солдаты везде осведомлялись, не спрятались ли где-нибудь неприятели. Один еврей с злобною радостью повел двух козаков в дом Пастора и объявил им, что там спрятан Прусский Офицер. Козаки ворвались в дом, в комнату и нашли тяжело раненого Пруссака, которой при входе их приподнялся в постели, ожидая неминуемой смерти. Козаки остановились в изумлении. Один из них ласково сказал раненому: "Нихт фурхт, Прусак! Козак нихт плут!" – подал ему руку и всячески старался его уверить, что ему нечего бояться. Потом бросились оба козака на еврея и выгнали его нагайками из дому, за то, что он почитал их способными умертвить несчастного, беззащитного врага" (1813, № 2).

Или – вот такой эпизод из жизни "русских варваров" (1813, № 2):

"Один козак привёл в Берлин транспорт французских пленных. Ожидая отведения квартиры, остановились они на липовой улице; козак стоял при них на часах. Дорогою вышел у них весь провиант; пленные проголодались. Козак развязал кушак свой, вынул из него талер в шесть ливров, подозвал стоявшего неподалеку мальчика и попросил его купить на эти деньги хлеба. Мальчик взял талер, побежал и – не возвращался. Козак ждал его несколько времени; наконец видя, что он обманут, разругал его по-свойски и обратился к шедшему мимо хорошо одетому человеку; объясняя как мог, снова развязав кушак, вынул другой талер и просил его добыть ему хлеба. Прохожий (знатный чиновник, рассказывавший сам сей анекдот) пошел к хлебнику и принёс козаку полную корзину хлеба. Козак разрезав хлеб на небольшие ломти, раздал их своим пленным. Один из них, тронутый сим поступком, встал и пожал ему руку. Козак обнял его и сказал: "Я христианин, ты –тоже!" – Как это просто и благородно. И французы называют козаков варварами!"

"Гряди ж, жена благословенна..."

Привлекали внимание журнала "Сын Отечества" и славные дочери Отечества, их патриотизм – "восхитительнейшее явление" той суровой, пропахшей порохом эпохи. Рассказывалось о подвигах "старостиhi Василисы" Кожиной (о том, как пресекала она любые попытки к бегству пленных французов), о мужестве крестьянских девушек, участвовавших в операциях против мародеров. Эти "опыты частного геройства" женщин показывали размах общенародной освободительной войны – "войны не по правилам" (как называли её французы). Ибо наши правила и традиции – великого духом миролюбивого народа, умеющего грудью, как один, встать на защиту Родины, – в корне отличались от "правил" западных завоевателей, от их привычки "плевать в русские щи", оскорблять наши национальные чувства. Об этом можно судить по самому тону одного из рассказов:

"Во время пребывания французов в Смоленской губернии шайка сих голодных детей великой нации вошла в одну крестьянскую избу и требовала у находившейся там старухи чего-нибудь поесть. Сжалась над плачевным видом гостей своих, она вынула из печи горшок щей и поставила на стол. Русская похлебка французам не понравилась, они начали ругать старуху и плевать во щи. Это вывело её из терпения. Она схватила горшок и бросила его в голову одного француза; сама выбежала на улицу, припёрла двери ухватом и созвала крестьян, которые схватили французов и отвели их в ближайшую воинскую команду" (1812, № 8).

Сообщал журнал и о деятельности женского патриотического общества в Петербурге, возглавлявшегося императрицей (в помощь всем "от войны страждущим семействам". Подчёркивалось, что "русские жены не уступают своим супругам, братьям, сыновьям. Природа, не даровав им силы телесной, умножила в них силу душевную" (1812, № 7).

В державинской оде "На отбытие императрицы Елизаветы Алексеевны к Государю в заграничную армию" (1813, № 41) запечатлен светлый образ государыни. Поэт называет её "матерью", воспевая гармоничное "родство родное" со всеми подданными.

Вера ("жив Бог – жива душа моя"), честь, благодать, правота, чувство справедливости были для Державина мерилom окружающей жизни. Он всегда склонял голову не столько перед "монархами русскими", сколько перед их умением "читать добродетель", перед законом, который они олицетворяли и который поэт желал видеть освещенным "Божеской державой". Он определял истинную цену каждого человека (будь он хоть на троне) – в зависимости от того, сохранил он или нет священное звание человека, гражданина. Всё остальное – тлен и прах.

В "женской" оде он обращается к императрице со словами:

Гряди ж, жена благословенна,
Воззванна нежностью в путь,
Усердием препровожденна
Обнять героя бранну грудь...

Невольно появляется ощущение, что венценосная героиня оды является собирательным образом всех русских женщин-подвижниц с их душевной "щедротой", "благочестием и верой", в полной мере проявившимися в час испытаний.

В завершение "женской темы" скажем об одной публикации рязанской поэтессы Анны Буниной, воспевшей "героя бранну грудь" в стихотворении "На смерть капитана гвардейской артиллерии Ростислава Ивановича Захарова" (1813, № 12). Стихотворение – поистине глас русской женщины – проникнуто горячим чувством национальной гордости. Главная мысль – та же, что и во всех патриотических размышлениях журнала – "лучше смерть в боях, чем порабощение; лучше перестать быть, чем быть в стыду и оковах". Самое важное, подчеркивает Бунина, чтобы человек был "в сообществе – усердный гражданин". И это верно для любых времен (и особенно, может быть, для тех, когда правители не только не умножают своим достойным гражданам "пенсион", но и норовят не выплатить просто – жалованье).

Сыны Отечества, помните: с вами – 1812 год!

По прошествии десяти лет после Отечественной войны "Сын Отечества" (1823, № 46) писал: "...Веками испытанная любовь к отечеству россиян, неиссякаемая преданность их престолу, дух Веры, одушевляющий их во всех случаях; твёрдость души Александра и его решительная высочайшая воля не полагать оружия, доколе ни одного неприятельского воина не останется в царстве его, – всё это уже могло предвещать Наполеону и полчищам его погибель в России.

Москва пала как великая жертва за благо избавления всей России и дабы в зареве воссияла свобода всей Европы. С сего времени начинается всей войны великий решительный перелом: народная война, образовавшаяся в Смоленской губернии, к чести и славе жителей оной, начала свирепствовать со всею силой. По гласу своего монарха вся Россия пришла в движение: Духовные явили в себе Гермогенов, Филаретов и Палицыных; дворяне старались превзойти друг друга в изъявлении опыта своей любви к Отечеству и преданности монарху: "Имение и жизнь – всё царю в ноги!"; купцы, ремесленники и фабриканты стекались... на поле брани; поселяне вооружились, сожгли свои жилища, истребляли своё имущество и всё могущее служить в подкрепление и продовольствие неприятелю; дух рыцарства возник и образовал новое сословие героев – партизан, гибельных для Наполеона

и полчищ его. Наконец, пламенная любовь к Отечеству произвела восхитительнейшее явление: жены и девы всех сословий и состояний устремились к славе быть также в сем случае полезными..."

Чем дальше "в тумане времени", тем отчетливее высвечивалась мысль, что эпоха 1812 года была историей не только "изгнания воинов-врагов силой оружия, ... но... силой духа русского" (П. Катенин – в "Письме издателю" "Сына Отечества", 1820-е годы).

История учит, что в первую Отечественную, как и во вторую – Великую Отечественную войну, одним из решающих факторов победы была несокрушимость народного духа в противовес тираническим силам Запада. Ведь даже с сожжением Москвы-матушки, столицы древних царей наших, не удалось "выжечь" национальный дух, "привести в молчание народное существо", о чем всегда мечтали "граждане мира", стремясь "раздавить" (словцо Наполеона) Россию, сердце ее, Москву, – и духовно, заменить традиционный уклад на безродно-космополитический. "Нет, не пошла Москва моя к нему с повинной головою", – вспоминаются с детства знакомые, летящие строки. И еще – строки из пушкинского "Наполеона на Эльбе", напечатанного в "Сыне Отечества" в 1815 году, – таинственный глагол о высоком жребии, указанном русскому народу бывшим врагом его из мрака ссылки.

В письме издателю "Сына Отечества" из Вены от 11 января 1815 года летописец великого похода, бывший адъютант Кутузова А. Михайловский-Данилевский, рассказывал о возведении среди "тучных полей" Саксонии, в Бунцлау (где в апреле 1813 года оборвалась жизнь светлейшего князя Михаила Илларионовича) памятника в честь легендарного полководца. И извещал читателя, что по возвращении на Родину хочет завершить создание своего памятника герою – летописи великого похода, чтобы, по его словам, "воспалить в позднем потомке" уважение и чувство гордости собственной историей. Может быть, писал он, "по прошествии нескольких столетий молодой россиянин полетит в плодоносные долины Силезии, на берега Бобра, к подошве Исполинских гор, взойдет на холм, откуда виден обелиск Смоленскому: он вспомнит о подвигах его... и будет гордиться Отечеством своим, порождающим столь великих мужей".

Полететь в спасенную Россией Европу – чтобы ещё больше гордиться Отечеством... В начале 1945 года пути-дороги советских воинов проходили по тем же самым местам, где русские солдаты гнали на запад наполеоновскую армию. На этом направлении продвигались танкисты 3-й гвардейской танковой армии под командованием генерала П. Рыбалко, который, обращаясь к воинам, освободившим Бунцлау, говорил: "Мы с вами идём дорогами ратной славы наших предков. Вдумайтесь в это, друзья! Как и сто тридцать лет назад, шумят русские знамена в центре Европы... Будем же достойны своей великой исторической миссии, правнуки Кутузова!"

Когда-то журнал "Русский вестник" писал: "Москва всей Европе указывала пути к свободе и чести... Сказывают, даже в областях Северной Америки сооружают памятник разорённой Москве, где с пожарным дымом рассеялась и исчезла Бонапартьевская мечта всемирного обладания" (1814, № 5).

В наши времена эту мечту о мировом господстве подхватили именно "в областях Северной Америки". Вот уж поистине – "американская мечта"! Не случайно предки наши сравнивали поведение "наполеоновцев" по части зверств с "подвигами" "американцев, антропофагов" на своём континенте. А теперь вот – видим мы их и на нашем... Кстати, это перемещение разрушительного начала из Старого – в Новый Свет сумел почувствовать еще "великодушный гражданин" Ф. Глинка, автор основополагающего "Рассуждения о необходимости иметь Историю Отечественной войны 1812 года" – "священной войны", "училища народов и царей" ("Сын Отечества", 1816, № 4). Позже, 12 марта 1867 года, в письме к М. Погодину с тревогой отмечал он, что с капитализмом в России распространяется "дух Америки", от которого "все отрицается, всё извращается", **утрачивается связь с родной землёй**. Всеобщая власть денег, по его убеждению, приведёт человечество к небывалому прежде угнетению... И сегодня средство у нас – чтобы рассеять новые мечтания "блудящего разума" – по-прежнему одно: щит веры.

<http://voskres.orthodoxy.ru/school>

*Михаил Суворов
г.Удомля Тверской области*

СУВОРОВ

Быть его однофамильцем –
не безоблачная честь:
Чёртов мост всегда дымится,
Чёртов мост повсюду есть.
Он во мне, в тебе и в каждом,
но шагни, шагни, шагни,
обнажи строку, как шашку,
обнажи и рубани.
Где-то, может, взятки гладки,
где-то, может, спрос иной.
Ох, как трудно без оглядки
быть всегда самим собой!
Что там Альпы, злые горы,
бой вокруг в ущельях дня,
смотрит соколом Суворов
из меня и на меня.
Значит, надо разом, с ходу,
Чёртов мост, как он, седлать,
чтоб потом хоть ложкой воду
с ним на равных похлевать.

*Геннадий Асинкритов
г.Удомля Тверской области*

ЗЕМЛЯ БЕЗ ЛЮДЕЙ

Русская земля...
Кто тут, отзовись!
Покажись, земляк,
Выйди, не таись!
Снежные поля
Саваном легли...
Без людей земля,
Люди без земли.

Сказку не начать,
Песню не сложить,
Некого прощать,
Некому тужить.
Знать, поводыря
Не того нашли...
Без людей земля,
Люди без земли.

Отчие края –
Падшие кресты,
Как тоска моя,
Серый день застыл.
Стаи воронья
Кружатся вдали...
Без людей земля,
Люди без земли.

Контакты РЗ:

E-mail: infosun08@mail.ru

РОДИНА МОЯ

Я пробираюсь по осколкам детских грёз
В стране родной,
Где всё как будто происходит не всерьёз
Со мной, со мной,
Ну надо ж было так устать,
Дотянув до возраста Христа, Господи...
А вокруг, как на парад,
Вся страна шагает в ад
Широкой поступью.

Родина моя
Скорбна и нема...
Родина моя,
Ты сошла с ума.

В анабиозе доживает век Москва – дошла.
Над куполами Люциферова звезда взошла,
Наблюдая свысока, как идёшь ты с молотка за пятак,
Как над гордостью твоей смеется бывший твой лакей
с Запада

Родина моя
Скорбна и нема...
Родина моя,
Ты сошла с ума.
Родина моя –
Нищая сума
Родина моя,
Ты сошла с ума.

Восьмой десяток лет омывают не дожди твой крест,
То слёзы льют твои великие сыны с небес, с небес...
Они взирают с облаков, как ты под игом дураков
клонисься

То запиваешь и грустишь, то голодаешь и молчишь,
то молишься

Родина моя
Скорбна и нема...
Родина моя,
Ты сошла с ума.
Родина моя –
Нищая сума
Родина моя,
Ты сошла с ума.

Я ВЕРНУСЬ

Я мечтаю вернуться с войны
На которой родился и рос
На руинах нищей страны
Под дождями из слёз.
Но не предан земле тиран,
Объявивший войну стране,
И не видно конца и края
Этой войне.

Я пророчить не берусь,
Но точно знаю, что вернусь,
Пусть даже через сто веков
В страну не дураков, а гениев.
И поверженный в бою,
Я воскресну и спою
На первом дне рождения
Страны, вернувшейся с войны.

А когда затихают бои
На привале, а не в строю
Я о мире и о любви,
Сочиняю и пою
Облегчённо вздыхают враги,
А друзья говорят: "Устал"...
Ошибаются и те и другие:
Это привал.

Я завтра снова в бой сорвусь
Но точно знаю, что вернусь,
Пусть даже через сто веков
В страну не дураков, а гениев.
И поверженный в бою,
Я воскресну и спою
На первом дне рождения
Страны, вернувшейся с войны.

С войны – вернусь. Вернусь.

Самарский клуб-музей Игоря Талькова:

www.talkovigor.ru

inbox@samara-port.ru